

За десять дней до войны

РККА начала готовиться отразить немецкое вторжение задолго до 22 июня 1941 года

Мобилизация. Колонны бойцов движутся на фронт. Москва, 23 июня 1941 года
Фото: Анатолий Гаранин / РИА Новости

В большинстве мемуаров советских военачальников неустанно повторяется мысль, что начало Великой Отечественной войны застало большинство красноармейцев мирно спящими, отчего приграничные округа и были разгромлены. Виноват, естественно, Сталин, который не внял предупреждениям военных и до последнего противился приведению армии в боевую готовность. Так же французские и немецкие генералы в своих мемуарах клялись, что из всех сил они ожидали соответственно Наполеона и Гитлера от нападения на Россию, а те не послушали. Во всех трех случаях одна и та же — спихнуть вину за поражения с себя на главу государства, а при этом раз изучение документов дает совершенно противоположную картину.

Десять дней на сборку армии

В обычное время воинская часть напоминает разобранный конструктор: каждая деталь лежит в своей коробочке. Техника — в парках, в законсервированном виде. Боеприпасы, горючее, продовольствие, медикаменты и прочее — на соответствующих складах. Чтобы часть могла

воевать, конструктор надо собрать. То есть привести войска в боевую готовность.

Директивой РВС № 61582сс от 29 апреля 1934 года в Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) было установлено три положения: нормальное, усиленное и положение полной готовности. Каждое предполагало целый список мероприятий. Несколько позже, в советские времена, такой список для приведения в боевую готовность гаубичного дивизиона (его мне привел писатель Валерий Белоусов, бывший офицер-артиллерист), выглядел так:

«Гаубичный дивизион 122-мм гаубиц М-30. Уровень дивизионной артиллерии. Три батареи по шесть орудий. Управление (разведчики, связисты, штаб), тылы (хозяйство, тяга, медпункт). Личного состава около полутора сотен человек.

Из трех батарей в обычной мирной жизни развернута первая, стреляющая. Остальные 12 орудий стоят в ружпарке. На колодках, чтобы рессоры разгрузить. Со стволами, заклеенными ингибиторной бумагой, со слитой из поршней цилиндров накатника и тормоза отката гидравликой. Естественно, личного состава в двух батареях практически нет.

Что такое полная боевая готовность?

1. Принять личный состав до численности по штату, а именно шесть человек расчета на орудие, водители на все тягачи, хозвзвод.
2. Расконсервировать тягачи, то есть установить аккумуляторы, заправить машины топливом, водой и маслом.
3. Прокрутить механизмы, вычистить орудия от смазки, промыть их керосином, залить гидравлику, прокачать пневматику, получить и установить прицелы (оптика хранится отдельно).
4. Получить боеприпасы и привести их в окснарвид, то есть окончательно снарядить: вынуть из ящиков, протереть керосином, вывинтить упорные крышки и вернуть взрыватели, уложить назад в ящики, разложить по весам (плюсики к плюсикам, минусики к минусикам), погрузить в технику.

Боевые учения. 70-я стрелковая дивизия. Ленинград, май 1941 года
Фото: Анатолий Гаранин / РИА Новости

5. Получить буссоли, дальномеры, бинокли, радиостанции, телефоны, кабель, проверить связь, получить таблицы кодов. Старшины получают сухпай, мехводы заправляют свои машины.
6. Получить личное оружие и боеприпасы.
7. Провести элементарное боевое слаживание, хоть пару раз выйдя на полигон.

При подаче же команды "тревога" все хватают одежду, не одеваясь, бегут к технике и выводят ее из расположения в район сосредоточения».

И это еще не все. Боеприпасы получают на складах, а склады подчиняются Главному артиллерийскому управлению, и без приказа из Москвы ни один складской работник даже не чихнет. То же относится ко всем прочим видам довольствия. Приведению части в боевую готовность предшествует лавина приказов. Без всего этого армия просто не может воевать.

Но она воевала, а значит, была приведена в боевую готовность, и документы это подтверждают.

«Из директивы Военного совета КОВО военным советам 5-й, 6-й, 12-й, 26 армий. 11 июня 1941 года.

«1. В целях сокращения сроков боеготовности частей прикрытия и отрядов, выделяемых для поддержки погранвойск, провести следующие мероприятия:

Стрелковые, кавалерийские и артиллерийские части

а) Носимый запас винтовочных патронов иметь в опечатанных ящиках. На каждый станковый пулемет иметь набитыми и уложенными в коробки 50 процентов боекомплекта и на ручной пулемет 50 процентов снаряженных магазинов.

Ящики с патронами, коробки с набитыми лентами и дисками хранить в опечатанном виде в подразделениях в особо охраняемых помещениях.

б) Ручные и ружейные гранаты хранить комплектами в складах части в специальных ящиках для каждого подразделения.

Выпускники Военной Академии им. Сталина. Москва, июнь 1941 года
Фото: Анатолий Гаранин / РИА Новости

в) 1/2 боекомплекта артснарядов и мин неприкосновенного запаса для всех частей прикрытия иметь в окончательно снаряженном виде. Для войсковой зенитной артиллерии иметь в окончательно снаряженном виде 1/2 боекомплекта артснарядов непзапаса.

г) Военно-химическое, инженерное и имущество связи хранить в складах части, комплектами для каждого подразделения.

д) Носимый запас продовольствия и личные принадлежности бойцов хранить в подготовленном виде для укладки в вещевые мешки и ранцы.

е) Запас горючего для всех типов машин иметь по две заправки — одна залитая в баки машин (тракторов) и одна в цистернах (бочках)».

Обратите внимание: директива выпущена 11 июня. До войны еще десять дней, а мероприятия по приведению войск в боевую готовность проводятся полным ходом. Сроки готовности по тревоге после проведения указанных мероприятий та же директива устанавливала: для стрелковых и артиллерийских частей на конной тяге — 2 часа; для кавалерийских, мотомеханизированных частей и артиллерии на механической тяге — 3 часа. Вполне хватило бы предвоенной ночи.

«Исполнение донести к 24 часам 21 июня»

Следующий рубеж подготовки к войне — 18 июня. В этот день из Генерального штаба пришла директива, после которой части начали выводить в районы сосредоточения.

«Из приказа по 12-му механизированному корпусу №0033. 18 июня 1941 года. [...] 4. В 23:00 18.06.41 частям выступить из занимаемых зимних квартир и сосредоточиться... (далее расписывается, какая дивизия куда выступает — прим. «Ленты.ру»).

5. Марши совершать только в ночное время. В районах сосредоточения тщательно замаскироваться и организовать круговое охранение и наблюдение. Вырыть щели, войска рассредоточить до роты с удалением роты от роты 300-400 метров».

Обратите внимание на сроки — корпус буквально рванулся из военных городков.

«[...] 8. К 23:00 18.06.41 донести в штаб корпуса (Елгава) по телефону или телеграфу условной цифрой "127" о выступлении с зимних квартир.

10. Командный пункт 12-го механизированного корпуса с 04:00 20.06.41 — в лесу 2 км западнее г. дв. Найсе (1266). До 22:00 18.06.41 командный пункт корпуса — Елгава».

В начале 50-х годов Военно-научным управлением Генерального штаба ВС СССР был проведен опрос советских военачальников относительно сосредоточения и развертывания войск западных приграничных военных округов в июне 1941 года. Они вспоминали, что получили приказы о выводе своих частей в районы сосредоточения 18-19 июня.

«Генерал-полковник танковых войск П.П. Полубояров (бывший начальник автобронетанковых войск ПрибОВО):

«16 июня в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву о приведении соединения в боевую готовность... 18 июня командир корпуса поднял соединения и части по боевой тревоге и приказал вывести их в запланированные районы. В течение 19 и 20 июня это было сделано.

16 июня распоряжением штаба округа приводился в боевую готовность и 3-й механизированный корпус, который в такие же сроки сосредоточился в указанном районе».

Фото: Георгий Зельма / РИА Новости

Генерал-лейтенант П.П. Собенников (бывший командующий 8-й армией):

«К концу дня [18 июня] были отданы устные распоряжения о сосредоточении войск на границе. Утром 19 июня я лично проверил ход выполнения приказа».

Генерал-майор И.И. Фадеев (бывший командир 10-й стрелковой дивизии 8-й армии):

«19 июня 1941 года было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И.Ф. Николаева о приведении дивизии в боевую готовность. Все части были немедленно выведены в район обороны, заняли ДЗОТы и огневые позиции артиллерии. С рассветом командиры

полков, батальонов и рот на местности уточнили боевые задачи согласно ранее разработанному плану и довели их до командиров взводов и отделений».

Генерал-майор П.И. Абрамидзе (бывший командир 72-й горно-стрелковой дивизии 26-й армии):

«20 июня 1941 года я получил такую шифровку Генерального штаба: "Все подразделения и части вашего соединения, расположенные на самой границе, отвести назад на несколько километров, то есть на рубеж подготовленных позиций. Ни на какие провокации со стороны немецких частей не отвечать, пока таковые не нарушат государственную границу. Все части дивизии должны быть приведены в боевую готовность. Исполнение донести к 24 часам 21 июня 1941 года"».

Как видим, войска сосредотачивались, а при необходимости и разворачивались, и даже дата нападения была точно известна. Так что отданная в ночь с 21 на 22 июня знаменитая Директива №1 стала не последней отчаянной попыткой спасти положение, а закономерным финалом целой серии приказов.

Кто находился в кабинете Сталина

Если верить воспоминаниям тогдашнего начальника Генштаба Георгия Жукова, то когда вечером 21 июня они с наркомом обороны Семеном Тимошенко, получив информацию об очередном перебежчике, пришли к Сталину, чтобы уговорить его разрешить привести войска в боевую готовность, вождя они застали одного, потом появились члены Политбюро.

Однако согласно журналу посетителей сталинского кабинета ко времени прихода Тимошенко (19:05), там уже полчаса сидел нарком иностранных дел Вячеслав Молотов. Вместе с наркомом обороны подошли нарком НКВД Лаврентий Берия, председатель Госплана Алексей Вознесенский, начальник управления кадров ЦК ВКП(б), курировавший оборонную промышленность Георгий Маленков, председатель комитета обороны при Совнаркоме, командующим Киевским военным округом маршал Климент Ворошилов и еще несколько человек.

После завершения части совещания, посвященной мобилизации промышленности, в 20:15 Вознесенский уходит. Тогда же удалился и Тимошенко, чтобы через полчаса вернуться вместе с Жуковым, первым замом наркома обороны маршалом Семеном Буденным и народным комиссаром Государственного контроля Львом Мехлисом.

Началась вторая, военная часть совещания. Военные округа были преобразованы во фронты, Буденный назначен командующим армиями второй линии, Мехлис получил должность начальника управления

политической пропаганды Красной армии, Жукову поручили общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами. Все четверо и Маленков, в то время начальник управления кадров ЦК и секретарь ЦК, покинули сталинский кабинет в 22:20. С вождем остались Молотов, Берия и Ворошилов. В 11 часов кабинет опустел. Что они делали потом?

Ответ простой: люди напряженно работали всю вторую половину дня — им, вообще-то, поесть бы надо! Сталин обедал как раз около одиннадцати вечера, его обеды служили одновременно и рабочими совещаниями. Так что предположение, что из сталинского кабинета будущие члены Государственного комитета обороны переместились на сталинскую же квартиру, кажется наиболее логичным.

Жители Ленинграда слушают сообщение о нападении фашистской Германии на Советский Союз
Фото: Борис Лосин / РИА Новости

В это время Тимошенко и Жуков в наркомате обороны записывали в шифрблокнот Директиву №1. Согласно первому изданию воспоминаний наркома военно-морского флота Николая Кузнецова (позднее адмирал откорректировал их в соответствии с генеральной линией о сопротивляющемся предложением военных Сталине), около 11 часов вечера в наркомате обороны «нарком в расстегнутом кителе ходил по кабинету и что-то диктовал. За столом сидел начальник Генерального штаба Г.К. Жуков и, не отрываясь, продолжал писать телеграмму. Несколько листов большого блокнота лежали слева от него... Возможно нападение немецко-фашистских войск, — начал разговор С. К. Тимошенко. По его словам, приказание привести войска в состояние боевой готовности для отражения ожидающегося

вражеского нападения было им получено лично от И.В. Сталина, который к тому времени уже располагал, видимо, соответствующей достоверной информацией...»

Вот это уже больше похоже на правду!

Написание, зашифровка и расшифровка директивы — дело долгое. Телеграмма ушла в войска в 00:30 утра, на флоты — еще позже. Что сделал адмирал Кузнецов, узнав о готовящемся нападении? Правильно: тут же отдал поручение обзвонить флоты и предупредить подчиненных устно. Почему, как принято считать, этого не сделал нарком обороны?

А кто, кстати, сказал, что он этого не сделал?

Интереснейшие воспоминания оставил начальник Генштаба Вооруженных сил СССР Матвей Захаров, бывший до войны начальником штаба Одесского военного округа. Вечером 21 июня он находился в Тирасполе на полевом командном пункте, полностью оборудованном на случай войны, а командующий округом еще оставался в Одессе.

«Около 22 часов 21 июня по аппарату БОДО меня вызвал на переговоры из Одессы командующий войсками округа. Он спрашивал, смогу ли я расшифровать телеграмму, если получу ее из Москвы. Командующему был дан ответ, что я любую шифровку из Москвы расшифровать смогу. Последовал опять вопрос: "Вторично спрашивают, подтвердите свой ответ, можете ли расшифровать шифровку из Москвы?" Меня крайне удивило повторение запроса. Я ответил: "Вторично докладываю, что любую шифровку из Москвы могу расшифровать". Последовало указание: "Ожидайте поступления из Москвы шифровки особой важности. Военный совет уполномочивает вас шифровку немедленно расшифровать и отдать соответствующие распоряжения"».

Естественно, он тут же отдал соответствующие распоряжения. Но вот что было потом:

«Оценив создавшееся положение, около 23 часов 21 июня я решил вызвать к аппаратам командиров 14-го, 35-го и 48-го стрелковых корпусов и начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса... Всем им были даны следующие указания: 1. Штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов. 2. Частям прикрытия занять свои районы. 3. Установить связь с пограничными частями».

Обратите внимание: начальник штаба Одесского округа начинает действовать за два часа до получения директивы. Он, по сути, и не нуждается в приказе — порядок действий ему диктуют предшествующие мероприятия и план прикрытия государственной границы. Поэтому странный двойной запрос из

штаба округа (явно последовавший за двойным запросом из Москвы) он воспринял как сигнал к действию, как и большинство других военачальников.

А как же знаменитая история о трех дивизиях 4-й армии Западного военного округа, расквартированных в Бресте и попавших под огонь немецкой артиллерии прямо в казармах? Неужели это выдумка? Нет, чистейшая правда. Однако не стоит забывать и то, что командующий 4-й армией Александр Коробков и командующий Белорусским военным округом Дмитрий Павлов были расстреляны вскоре после начала войны за деяния, очень похожие на саботаж. Но это уже предмет отдельного разбирательства, как и вопрос о том, почему заблаговременно получившие документы о приведении войск в боевую готовность советские военачальники уже осенью 1941 года оказались у стен Москвы и Ленинграда.

Елена Прудникова